

Тбилисский государственный университет имени Ивана Джавахишвили
Факультет социальных и политических наук

Шорена Кортава

Властные теории общества

для получения академической степени доктора социологии
представленной диссертации

Автореферат

Автореферат исполнен в Тбилисском
государственном университете имени Ив.
Джавахишвили

Научный руководитель: кандидат социологических наук,
ассоциированный профессор – Амиран Бердзенишвили

Тбилиси. 2010 г.

Содержание диссертации:

Постановка вопроса.....	ст. 3
Часть первая _ Общество, общественные иерархии и властные отношения; Французская социальная мысль двадцатого века.....	ст. 8
1.1. Общество как множество множеств (Ф. Бродель).....	ст. 8
1.2. Дисциплинарное общество (М. Фуко).....	ст.27
1.3. Гипер-реальная власть и риск утраты социального.....	ст.47
1.4. Общество как многогранное социальное поле и символическая номинация.....	ст.69
Анализ первой части.....	ст.83
Вторая часть _ Современное общество в системном функционализме и угрозы стоящие перед открытым обществом.....	ст.85
2.1. Общество как единство коммуникации (Н. Луман).....	ст.85
2.2. Общество как подсистема системы действия.....	ст. 104
2.3. Открытое общество и угрозы стоящие перед ним (Дж. Сорос).....	ст.115
Анализ второй части.....	ст.141
Анализ диссертации в целом.....	ст. 143
Заметки.....	ст.146
Список используемой литературы.....	ст.148

Уже в «постановке вопроса» подчёркивается цель работы. С самого начала сказано, что наша цель состоит не просто в рассматривании общественных теории. Мы хотим в рамках властных теории общества измерить в современности степень свободы индивида. Важно выявить то, как нынче охраняются т. н. основные права человека, даётся ли ему возможность самореализации соответственно своих внутренних возможностей; интегрированы ли члены общества в социуме, поскольку как раз степень интегрирования членов определяет гармоничность данного общества, или наоборот, его аномичность; какой же тип мышления доминирует в реальности которая обволакивает нас. Возможно степень конформизма такая высокая, что она мочь искоренить индивидуализм; каковы в модерном обществе межсистемные отношения, какая общественная система доминирует нынче и даёт тон – политическая, экономическая или культурная.

Диссертация делится на 2 части. В первой части объединены представители французской социальной мысли: Фернан Бродель, Мишель Фуко, Жан Бодрийар и также Пьер Бурдьё. Это объединение обусловлено не только приверженностью одной национальной школе. Все эти авторы в своих трудах пытаются найти и очеркнуть существующие в обществе социальные иерархии и с помощью их измерения проявить какова степень эгалитаризма в нашем современном мире. Фуко и Бродель средние века исследуют только в компаративистских целях. У них своеобразный, я бы сказала, стиль Дзенона, они руководятся принципом отвергания, исчисления. Они закрытые дисциплинированные общества исследуют с целью выявления основных принципов современного гуманного открытого общества.

Жан Бордийар и Пьер Бурдьё интересуются в современном обществе существующими средствами выявления статуса личности, что в основном символично. Различают 2 способа проявления истоков статуса: одно само личность, к которому относится этот статус, а другое – общество, в некоем абстрагированном виде, которое имеет все нужные механизмы для т. н. официальной номинации. Когда осмысление статуса со стороны личности и официальная номинация гармонизируют меж собою, это знак того, что люди не лишены чувства восприятия реальности и общество со своей стороны объективно россценивает их сущность соответственно ихних позиции и достижении в культурных, экономических и в политических полях.

Во второй части диссертации представлены две наиважнейшие фигуры системного функционализма – Никлас Луман и Талькот Парсонс. В общественной теории Никласа Лумана главное место отводится властным отношениям в обществе. Изначально надо подчеркнуть, что власть для Лумана это вовсе не средство принуждения или тем более насилия. Власть лишь средство коммуникации, которая функционирует с помощью

символически генерализованных кодов и имеет целью на почве определения селективности личностей урегулирование их поведения в благо общественной стабильности. Парсонс считает, что «достижение цели» - это основная задача политической системы в обществе. Для него «коллективы» представляются структурными компонентами этой самой системы а в аспекте «развитии процессов» он выделяет «дифференциацию». Вторую часть диссертации подводит оригинальная теория Джорджа Сороса, которая хоть не претендует особо на научность, но важна для логического завершения и осмысления в целом всех тех вопросов, которые поставлены мною в этой работе. В диссертации под особым вниманием стоит вопрос кризиса власти в современном обществе. Кризис может проистекать от злоупотребления власти, следствием которого является закрытое общество» и от истощения власти, когда государство вне силе руководить политическими процессами и когда рынок повелевает всем, образует новую ценностную систему и моделей поведения, а поскольку рынок изначально ориентирован на доход и накопление и часто пренебрегает принципами демократии, он может сопутствовать хаосу в обществе и вызвать «динамичное неравновесие», что равномерно нежелательно.

В диссертации я пытаюсь всё время анализировать условия, которые необходимы для существования здорового, неаномического общества, Эти условия вновь и вновь перечисляются в работах тех авторов на которых я ссылаюсь в рамках моей работы, это Бродель Фернан, Мишель Фуко, Жан Бордийар, Пьер Бурдьё, Никлас Луман, Талькот Парсонс и Джордж Сорос. В будущем их теории могут сопутствовать моим эмпирическим исследованиям, например, метод Броделя и Бодрийара, с помощью изучения системы вещей докапываться до сущности данного общества и пытаться их измерить; с помощью изучения жилых-интерьеров определять габитус личности, а по офисным интерьеров опознать в разных организациях распространенные модели поведения. Всё это естественно в меру возможностей.

Меж общественных систем существует столь крепкая связь, что в случае дезориентации одного демобилизируются автоматически последовательно и остальные. Поэтому я и пытаюсь в данной работе рассматривать все общественные подсистемы и явления в едином плане. Во время анализа отдельных частей общества я попыталась сохранить в разуме некое глобальное видение общества как целого организма. Подобный метод представлять всё в едином аспекте я нашла и у Броделя. Мы не можем пренебрегать целостность общества. Если культурной подсистеме не удаётся «воспроизводство образца», а социетальной обществе интегрирование, границы политической подсистемы неестественно расширяются и вследствие оно перегружается функциями трёх остальных

подсистем. Адаптация это функция экономики, но иногда она пытается присвоить функцию «воспроизводства образца», это может вызвать общественную деморализацию, девальвацию этических норм, истощение государства. Когда так бушует терроризм, исламский фундаментализм, могучи прочие другие угрозы и в сила разрушить т. н. западный мир, который является маяком демократии – хрупкое государство уж точно не послужит гарантом стабильности. Выше сказанным я хотела подчеркнуть, что гармоничное, стабильное, современное общество как цель и эталон достижимы лишь путём полноценного друг от друга независимого функционирования всех четырёх подсистем общества (это социетальная подсистема, фидуциарная, политическая и экономическая).

Все вопросы, которые я поставила и выделила как проблемы в моей работе объединяются в одной логической цепи, которая именуется не иначе, как «открытое общество и свобода личности, как требование и эталон современности». Все авторы, на которых я ссылаюсь, в своих научных исследованиях ставят перед собою ту же цель: выявить в чём суть эгалитарного, открытого общества, как оно функционирует! Дисциплинированное, закрытое общество попадает в ихнем кругозоре опять-таки с целью выявления сущности его антипода – демократического общества.

Данной работой я пытаюсь подчеркнуть приоритет социологии как науки. Продуктивное изучение существующих типов общества, их объективный анализ для социальной инженерии может оказаться весьма полезным в целях реформирования и усовершенствования нашей современной реальности.

А сейчас я перейду к конкретным главам диссертации. Она состоит из 7 глав. В главе 1.1. «Общество как множество множеств» дано видение общества, которое принадлежит Фернану Броделю. Свои представления об обществе он опубликовал в трёх томной книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.». Бродель данной работой внёс большой вклад в общественных науках. Здесь рассматриваются актуальные социологические вопросы: общественные иерархии, механизм распределения власти меж этими иерархиями, социальная мобильность, государство – как наиважнейшая фигура политической системы. Бродель пытается исследовать в разных обществах систему вещей, архитектуру, интерьеры, стиль одежды (моду) и т. д. Он этим путём надеется выявить социальное неравенство, которое имеет место везде и всегда. Бродель общество не случайно именует «множеством множеств» /ensemble des ensembles/, поскольку любая социальная реальность часть более широкой

системы. Общество объединяет в своих рамках единицы, которые постоянно меняются и тем самым взаимодействуют друг на друга.

История Европы объект исследования Броделя. По его мнению, Европа является центром мира. Здесь всякая социальная мобильность легче поддаётся наблюдению, чем в других регионах, Бродель отвергает неоспоримое преимущество политической истории, для него приоритет государства не вечное явление. С XI века, а интенсивнее с XV-го Европе доминирующее место занял экономический сектор. В следствии он оказался на верхушке общественной пирамиды. В XV веке экономический сектор задавал тон и управлял остальными общественными секторами. Это и послужило причиной столь ранней модернизации Европейского общества. Бродель подчёркивает, что ошибочно пренебрегать значимостью других подсистем. В каждом обществе имеются силы, которые противостоят прогрессу, иногда даже вызывая регресс и от их пренебрежения теория изучающая общество только пострадает.

В общественной теории Броделя социальным иерархиям отводится значимое место. По его мнению, «иерархия» более точно выявляет дифференцированность общества, чем другие схожие термины, например страты, категории, слои или классы. Бродель придерживается мнению, что общество никогда не развивалось горизонтально, как общество равных. Оно всегда было иерархизированным. Бродель перечисляет примеры из мировой истории: Португалийские путешественники 1446 г. у берегов Атлантического океана, в Сахаре, на широте мыса Кабу-ду-Рескати вступили в контакт с крохотными племенами Берберов, во время покупки золотого песка и чёрных рабов. Португальцы были безмерно удивлены, поскольку у них не было царя. Но несмотря на это, они образовали собою кланы, а у кланов имелись свои предводители. Формозы, первобытные народы Тайвана так же оставались загадкой для Голландцев в 1630 году. У них не было ни государя ни – короля. Но они всё время воевали меж собой, село с селом. А ведь село это группировка, корпорация! Даже общество утопистов, конструированная в сознании вопреки реальному, обично оставалось иерархизированным. Боги Олимпа, и те не были на одной ступени. Вследствии више сказанного Бродель заявляет, что общество всегда имеет чёткую структуру, свои каркасы.

Каковым бы не являлось нынешняя политическая система, по мнению Броделя, современное общество всё же не эгалитарно. Просто привилегии не так резко бросаются в глаза как в старых исторических эпохах. В прошлом, в сословных обществах с большой серьёзностью относились к своему рангу. Человек, который присвоивал внешние атрибуты чужого ранга становился посмешищем. Бродель с улыбкой вспоминает один весьма наивный проект, который был XVIII веке опубликован. Его выдвинули против декласирования. «Пусть король Франции пожалует принцам, герцогам, титулованным особам и их супругам голубую ленту, как то, что носят командоры Мальтийского ордена и ордена св. Лазаря; прочим дворянам – красную ленту; пусть все офицеры, сержанты, солдаты всегда носят униформу; пусть ливрея будет обязательна для слуг, включая камердиненов и дворецких, но чтобы не могли они нашивать на поля шляп ни галуны, ни какое бы то не было золото или серебро. Не будет ли это идеальным решением, которое, упразднив затраты на пышность, сделало бы для мелкого люда невозможным смешиваться с великими мира сего»¹

Реально же смешивание слоев предотвращало неравное распределение материальных ресурсов. С одной стороны безмерная роскошь, власть, авторитет, а с другой – нищета и повиновение. Бродель цитирует один итальянский текст 1776-го года: «Одна часть человечества подвергается столь грубому обращению, что впору умереть, ради того чтобы другая часть обжиралась так, что впору лопнуть». Бродель подчёркивает сложность иерархического строя. Всякое общество это разнообразие, многоличность и многогранность. Она делится вопреки себя в чём и состоит его суть.

Бродель невооружённым взглядом обнаруживает на верхушке общественной пирамиды крохотную группу привилегированных, к которой течёт всё: им принадлежит власть, наибольшая часть прибиточного продукта; в их руках право управлять, руководить, принимать решения; они обеспечивают капиталовложение и соответственно процес производства. Богатств и разные сервисы обслуживания, поток денег плывёт к ним. Под них расположены т. н. агенты экономики, труженники всяких рангов и масса управляемых. А на дне пирамиды огромная куча социальных отбросов, это мир безработных.

¹ Бродель Ф., «Игры обмена», стр. 465-466

Естественно, говорит Бродель, карты социальных позиций раздавались не раз и навсегда, но пересдачи бывали скудными и редкими. Время от времени люди яростно противостояли существующему порядку социальной иерархии, но серьёзные преобразования не намечались десятилетиями. К тому же укорениться на новых позициях требовало огромных усилий. Социальная борьба это вечный процесс по мнению Броделя, она существует и по сей день.

Перемещение в близкие социальные ступени никогда не было связано с проблемами. Крестьянин часто становился купцом, купец мелким владельцем... А расположенная на низких ступенях пирамиды масса всегда была скованна жесткими оковами существующего социального порядка. И если намечались резкие движения, эти оковы тем более сужались, государство всегда находило способы их «приручения» и она всегда могла опираться на идеологическую поддержку религии и даже культуры. Все они были в готовности охранять и сохранять существующий социальный порядок, который Бродель окрещает одним лишь словом – неравенство!

Раз в каждом обществе намечается борьба за право «быть тем кто я есть», мы должны признать существование некоего классового сознания. Реальность классового сознания, как явления, по мнению Броделя, подтверждается историческими фактами в виде разных восстаний, бунтов, революции. Это примеры классовой борьбы или инциденты, не имеет значение как мы их назовём, но факт, что время от времени они имели бешенную силу.

Я в своей работе рассматриваю Броделевскую интерпретацию государства. Бродель анализирует 3 основные функции государства: «Первая задача государства: заставить себе повиноваться, монополизировать к своей выгоде потенциал насилия в данном обществе, очистить последнее от всех возможных в нём вспышек ярости, поставив на их место то, что Макс Вебер называл «легитимным насилием». Задача вторая: контролировать вблизи или на расстоянии экономическую жизнь, организовать явно или неявно обращение богатств, в особенности же завладеть значительной частью национального дохода, дабы обеспечить свои собственные расходы, свою роскошь, свою «администрацию» или войну. В случае необходимости государь будет замораживать к своей выгоде слишком большую долю общественного богатства: вспомните сокровища Великого Моголя, громадный дворец-склад китайского

императора в Пекине или те 34 млн. дукатов в золотых и серебряных монетах, какие в ноябре 1730 г. были обнаружены в покоях только что умершего в Стамбуле султана. И последняя задача: участвовать в духовной жизни, без которой не устоит никакое общество. Ежели возможно – извлечь дополнительную силу из могущественных религиозных ценностей, делая между ними выбор или же уступая им. А также надзирать, и постоянно, над живыми движениями культуры, зачастую оспаривающими традицию. И особенно – не позволять захватить себя врасплох внушавшимся беспокойство новшествами культуры»².

Бродель интересуется интерьерами средневековой Европы. Он изучал архивы, где хранились проекты тех домов, которые были зарегистрированы у нотариусов. Крестьяне, оказывается использовали для жилья лишь одну комнату. Здесь они принимали пищу, спали, умывались и т. д. Даже конюшня прилегал к их однокомнатной жилище. Мебель была скудной. В основном она состояла из деревянного сундука, маленькой полки для глиняных и деревянных пищевых сосудов. Одежда только одна пара... Более прижиточные крестьяне имели кирпичные дома, а убогие жили в деревянных, стены у некоторых были даже обведены ветками, а ущелья меж ними покрыты глиной... Бродель изучал и городские многоэтажные дома. На чердаке, говорит он, в основном жили бедные студенты, в подвалах убогие, бедняки. А люди со средствами располагались на средних этажах. Способом изучения системы вещей и интерьеров существующее неравенство в обществе после Броделя выявил в французской социальной мысли и Мишель Фуко, а Жан Бордийяр этой теме уделил столь большое внимание, что написал по этой части отдельный труд «Система вещей». Считаю, что Бродель безоговорочно оригинальный и продуктивный мыслитель. Он важен для социальных наук не как историк, а впервые очередь, как социолог. Вобщем его общественная теория наверное часть всё же часть т. н. структуральной социологии.

В главе 1.2. дан анализ дисциплинарного общества, который (т. е. анализ) принадлежит Мишелю Фуко. Фуко рассматривает репрессивный режим, который действует внутри общества. Он по этому вопросу пишет книгу «Надзирать и наказывать», где утверждает, что общества любой эпохи являются дисциплинированными, когда степень дисциплинированности выше дозволенной

² Бродель Ф., «Игры обмена», стр. 521-522

границы, мы имеем перед собой аномичное, закрытое общество, где индивид становится узником и единственное что ему остаётся, это, если выскажемся словами Исаия Берлина – «побег в собственный цитадель!» - Это проблема вечно стояла перед человечеством. Постановкой этого вопроса Фуко внёс большой вклад в социологию.

По мнению Фуко, власть мы не должны изучать исключительно в рамках политической системы. Власть инвестирует себя в людей, в целом обществе и с их помощью объективизированная она приобретает реальность и работает как сила. Двое объектов являются мышлению власти: анатомическое тело человека и то географическое пространство, на которой располагается общество как огромное людское сообщество. Для завоевания человека власть использует «политическую анатомию», а для обработки географического пространства соответственно своим планам т. н. функционирующую архитектуру.

Я в этой главе с самого начала подчёркиваю влияние работы английского юриста Иеремиа Бентама «Паноптикум» на теорию М. Фуко. Фуко разделяет позицию Бентама насчёт того, что общество обустроена по принципам паноптикума. По этому и уделяет он в книге «Надзирать и наказывать» столь большое внимание описанию паноптикума. «Паноптикум... по периметру – здание в форме кольца. В центре – башня. В башне – широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Кольцеобразное здание разделено на камеры, каждая из них по длине во всю толщину здания. В камере два окна: одно выходит внутрь, другое – наружу (таким образом вся камера насквозь просматривается). Стало быть, достаточно поместить в центральную башню одного надзирателя, а в каждую камеру – посадить по одному умалишенному, больному, осуждённому, рабочему или школьнику. Благодаря эффекту контржурного света из башни, стоящей прямо против света, можно наблюдать чётко вырисовывающиеся фигурки пленников в камерах периферийного «кольцевого» здания. Сколько камер-клеток, столько и театриков одного актёра, причём каждый актёр одинок, абсолютно индивидуализирован и постоянно видим. Паноптическое устройство организует пространственные единицы, позволяя постоянно видеть их и немедленно распознавать. Короче говоря, его принцип противоположен принципу темницы. Вернее, из трёх функций карцера – заточить, лишать света и скрывать – сохраняется

лишь первая, а две другие устраняются. Яркий свет и взгляд надзирателя пленят лучше, чем тьма, которая в конечном счёте защищает заключённого. Видимость – ловушка»³.

С помощью паноптикума узник находится в постоянной видимости, благодаря чему власть начинает функционировать автоматически. Паноптикум это некий архитектурный аппарат, который независимо от человека создаёт и поддерживает властные отношения.

В конце XVIII-го века проблема народонаселения потребовала переработку пространства т. н. хозяйственно-политическими целями. Хотя, по мнению Фуко, и до этого искусство строения соответствовало потребностям власти, божественности, Исторически наиважнейшими строениями считались дворец, церковь и замки. Они демонстрировали могущество сильнейших мира сего. Фуко отводил докторам большую роль в деле функционального разделения общественного пространства. В XVIII веке медики с успехом справились с проблемой народонаселения. Они смогли одновременно удовлетворить хозяйственные и политические проблемы и доказали, что являются экспертами в деле разделения и распределения пространства. Они решили следующие проблемы:

- I – проблема местонахождения. Сюда входили вопросы местного климата, природа почвы, влажность или сухость воздуха...
- II – проблема сожителства, т. е. вопросы сплочности или дистанцирования между людьми, вопросы водоснабжения, канализации, проветривания. Также около людских жилищ размещение казарм для животных. И в конце отгораживание живых от мертвецов, в пользу населения отведение места кладбищам.
- III – проблема перемещения, т. е. миграция людей и с ней связанный риск распространения эпидемических заболеваний.

Фуко с усмешкой подчёркивал свою растерянность, он говорил, я не зная в социологию кто внёс важнейший вклад, Монтескье, Огюст Конт или медики, естественно он имел в виду вопрос функционального деления общественного пространства. Медики ведь в бок-бок с военными заваёвывали и членили пространства. Военные в основном заваёвывали пустые земли, поля и замки. А битовое, жилое

³ Фуко М., «Надзирать и наказывать», стр. 292-293

пространство и города в смысле ихнего функционального обустройства было «обработано», если можно так выразиться, медиками.

Деление общественного пространства, также контроль над временем, это всё в интересах власти. Контроль над временем в первые до высшей степени был зоведён в монастырях. С целью достижения максимальной трудовой продуктивности современем в фабриках и в заводах тоже началось чёткое сумирование времени. Со стороны власти к контролю времени и деления пространства добивается и контроль над сознанием. Т. н. произведённая душа завоёвывает тело, говорит Фуко и спомощю его муштры, т. е. тела, власть получает муштрированное общество. Фуко, все эти ужимки власти, с помощью которого он превращает личность человека чем-то, что можно изготовить, называет «Политической анатомией». Это техника владения людскими телами и разумом и он в различных секторах принимает различные тактики.

Фуко в своей книге, которую я здесь рассматриваю, говорит о душе человека. По его мнению душа вовсе не иллюзорна. Душа имеет реальность, её творит и дарит ему жизнь власть, как не странно. Душа в его исторической реальности в различии от души, которая представлена в христианской теологии, не рождается грешным и не требует наказания. Но, говорит Фуко, она рождается от покоряющих процедур, от надзирания и принуждения. Душа, это результат и одновременно инструмент политической анатомии, душа это оковы тела.

Фуко говорит о семиотической технике, которой пользуется карательная власть в политической анатомии. Она состоит из 6 пунктов:

1. Правило минимального количества;
2. Правило достаточной идеальности;
3. Правило побочных эффектов;
4. Правило абсолютной достоверности;
5. Правило общей истины;
6. Правило оптимальной спецификации.

Фуко не случайно уделяет столь большое внимание процедурам наказания в обществе. Исходя из логики Фуко, иметь «преступников» опять таки в интересах самой власти, поскольку каждый раз востановлением справедливости помпезно демонстрируется моща данной власти в обществе перед его членами.

Фуко изучает властные отношения с средневековой эпохи. Он так эффектно иллюстрирует эволюцию власти и политической системы. Он также, как и Бродель, интересуется средневековым обществом в компаративистских целях. Фуко считает, что наше современное общество является не менее дисциплинированным, чем общества монархических и пост-монархических периодов. Люди везде преследуемы дисциплиной: в училищах, в больницах, в фабриках, на заводах, в армии, в церкви. Властью пронизан каждый отдельный уголок общества. В современности изменилось только манера надзирания, она стала более утончённой и преобрела некую хитрую незримость.

Я снова вернусь к тем 6 пунктам, которые Фуко выделяет в рамках семиотической техники т. н. Карающей власти.

1. Правило минимального количества: к преступлению преступника тянет соблазнь, которая проистекает от ожидаемой выгоды в случае благополучного осуществления злого замысла. Если наказание будет неизбежным и суровым, то оно сможет нейтрализовать эту «выгоду», превращая его в ущерб.
2. Правило достаточной идеальности: Фуко здесь большое значение придаёт не телесному ущербу во время наказания, а душевной боли, которая должна стать неотъемлимой частью наказания. Мысль о наказании, и то даже должна вызывать сильную душевную муку.
3. Правило побочных эффектов: «наказание» карает виновного, но она должна и косвенно воздействовать на сознание потенциального правонарушителя.
4. Правило абсолютной достоверности: законы, которые классифицируют преступление должны быть абсолютно чёткими и ясными, чтобы в них легко разобрался каждый член общества. Эти законы должны подвергаться обнародованию. Судебный процесс желательно чтоб был открытым. Судья с большим мастерством вынужден доказывать справедливость своего выговора перед публикой.
5. Правило общей истины: как математическая истина требует точного доказательства, также и преступление должно досканально точно подтвердиться фактами. Без фактов и доказательств обвиняемого защищает сам закон. Он

признаётся виновным только после анулирования алиби невиновности посредством неоспоримых улик.

6. Правило оптимальной спецификаций: «все правонарушения должны получить определение; все они должны быть классифицированы и собраны в виды. Следовательно, необходим кодекс, причём достаточно точный, где был бы чётко обозначен каждый тип правонарушения. Молчание закона не должно возвращать надежду на безнаказанность. Требуется исчерпывающий, ясный кодекс, определяющий преступления и устанавливающий наказания»⁴.

Возможно Фуко слегка преувеличивает и слишком трагично представляет перед взором читателя структуру общества. Общество для Фуко это место муштрирования, постоянного надзора, сугубо дисциплинированное пространство, где любая подсистема под оковами политической власти. Неоспоримо одно, Фуко великий мыслитель XX-го века и возможно не до этой степени, как это предстает Фуко, но всякое общество подвергается более или менее дисциплинированию.

В главе 1.3. – «Гиперреальная власть и риск утраты социального» дано общественная теория Жана Бодрийара. В главе 1.2. я проанализировала теорию Мишеля Фуко, конкретнее его работу «Надзирать и наказывать», где главный акцент делается на риск проистекающей от чрезмерности власти. Эти рамки политической системы расширяются и поглашают другие существующие общественные подсистемы, индивид теряет личную свободу и возможность независимого выбора, вследствие чего общество становится репрессивным. Теории Жана Бодрийара являются логическим продолжением вопроса о соотношении власти и общества, который поставил Фуко. Но Бодрийар подходит к данному вопросу с иной стороны. Он осознал, что власть от своей чрезмерности может потерять функциональность и просто исчезнуть, а появившую пустоту от его исчезновения заполнит гипер-реальная власть, которая является лишь симулякром. Бодрийар беспокоит опасность исчезновения «социального» как такового. Он также как и Бродель, изучает систему вещей в обществе, дабы выявить грани различных социальных иерархии.

Стиль Бодрийара можно назвать эссеическим, но это придаёт его социологическим теориям лишь блеск и оригинальность.

⁴ Фуко М., «Надзирать и наказывать», стр. 143

Бодрийар изучает обвалакивающий нас материальный мир вещей. Конкретнее он интересуется жилыми и офисными интерьерами. Вещи служат не только для удовлетворения бытовых потребностей, они порой говорят языком символов и сущности тех людей, которые являются их владельцами. Они могут намекнуть на сословную принадлежность владельца, рассказать немо об его интеллекте и даже о характере, тем более об экономическом положении человека, ведь яйцо из коллекции Фаберже не может храниться у бедняка.

Декорации в квартире, окна, освещение и даже тон краски на стенах, зеркало, стол в приёмной, часы, машина, все они вместе взятые немо говорят о стиле жизни и хабитусе владельца. Производство серийных моделей распространённый в современности, способ приобретения с помощью кредитования, реклама, которую пользуется маркетинг для повышения потребности на товарах – всё это таит в себе больше чем производство, экономика и маркетинговая идеология. Как бы странно не звучало это, в них проявляется хабитус данного общества, в них можно даже доискаться до межсословных границ. Все вышеперечисленные вопросы Бодрийар объединил в книге «Система вещей». В главе 1.3. я проанализировала и другие труды Бодрийара: «Забить Фуко», «Соблазн», «В тени молчаливого большинства». В первых в двух книгах автор рассматривает гипер-реальность власти в современности, а третья посвящается феномену масс и риску исчезновения всего социального.

Бодрийар рассуждая о власти, подчёркивает, что «сама власть никогда не воображала себя властью, и тайна великих политиков заключалось в том, чтобы знать, что власть не существует. Знать, что она только перспективное пространство Ренессанса, и если власть совращает, то именно потому, что она симулякр, и потому что она превращается в знаки и измишляет себя, исходя из знаков. Этой тайной несуществования власти, тайной великих политиков, также владеют и великие банкиры, которые знают, что деньги – это ничто, что денег не существует, и великие теологи и инквизиторы, которые знали, что Бог не существует, что Бог мёртв. Это даёт им невероятное превосходство. Когда власть улавливает эту тайну и бросает себе свой собственный вызов, тогда она воистину является высшей властью. Когда она перестаёт это делать и стремится найти истину, субстанцию, репрезентацию (в воле народа и т. д.), тогда она теряет свое могущество, и тогда другие бросают ей ответный вызов не на

жизнь, а на смерть, пока она действительно не умрёт от самовлюблённости, от воображаемого образа себя, от суеверной веры в себя как в субстанцию, умрёт, потому что перестанет признавать как пустоту, как обратимую в смерть. Когда то вождей убивали, если они теряли эту тайну...»⁵.

Бодрийар своей теории власти укореняет следующие термины: «Гипер-реальная власть», «Симулякр», «Соблазн». «Соблазн», это вызов, которую должен принять власть, с её помощью он включается в некий круговорот и приобретает новую реальность. Бодрийар утверждает, в обществе всё, что необратимо, стоит под риском исчезновения. Посредством соблазна власть становится циклическим. В своём круговороте она проходит следующие этапы: триумф власти, когда он достигает пика; спад и смерть власти; замена власти его симулякром, которая, нужно отметить более продуктивна, чем власть подлинная.

Из работ Бодрийара для меня самым интересным является «В тени молчаливого большинства», где рассматривается феномен масс. Бодрийар считает, что масса не имеет сути, а значит попытка уточнения его содержания лишена всякого смысла. Иногда говорят о массе рабочих, а это неправильно, масса не может быть представлена в виде социального объекта. Масс составляют от всякой ответственности свободные люди, их нельзя интегрировать, они являются лишь статистическими остатками. Масса, говорит Бодрийар, не имеет социологической реальности. «Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит её определённая, или радикальная неопределённость... У неё нет ничего общего с каким-либо реальным населением, какой-либо корпорацией, какой-либо особой социальной совокупностью. Любая попытка её квалификации является всего лишь усилием отдать её в руки социологии и оторвать от этой неразличимости, которая не есть даже неразличимость равнозначности. Бесконечная сумма равнозначных индивидов $1+1+1+1$ – это её социологическое определение»⁶. Массы и рациональная коммуникация несовместимы. Масс не удаётся даже информировать. Они индеферентны, не воспринимают ни содержание сообщения, ни код сообщения. Массам предоставляют смысл, а они липнут лишь к зрелище. Лишь зрелище

⁵ Бодрийар Ж., «Забывать Фуко», стр. 85-86

⁶ Бодрийар Ж., «В тени молчаливого большинства», стр. 3-4

притягивает и приводит в движение массу. Масса интересуется знаками и отвергает послание. Она поробощена стереотипами.

Бодрийар высказывает своё удивление – спустя бурных революции, несмотря на усилия газет, профсоюзов, партий, интеллигенции и активности многих других сил, которые всегда готовы воспитать население и мобилизовать его, лишь 1000 человек готовы действовать, тогда как 20 миллионов остаются пассивными и без всякого угрызения совести предпочитают спокойно болеть за футбольный матч, нежели переживать какую-нибудь частную человеческую или политическую трагедию. Раньше существовало суеверие, будто власть могла манипулировать массами, будто индифферентность массы это результат воздействия на неё политической идеологии. Это суеверие поддерживалось самой властью, потому что в её же интересах было предстать перед обществом в виде детерминатора общественной реальности. Истина такая, - власть ничем манипулировать не может и она точно не имеет ресурсы для т. н. идеологизирования массы.

От масс неустанно требуют предстать свои требования к вишим инстанциям, их питаются вовлеч в избирательную кампанию, им предлагают свободу мысли и высказывания и т. д. то есть, им навязывают социальность. Но индифферентность и хладнокровность к происходящему, это сущность массы. От масс требуют «чтоб она назвала себя». Это фраза Бодрийара напомнила мне миф о Сфинксе. Он от прохожих требовал разгадку загадки. Разгадка загадки являлась одновременно смертью для Сфинкса, а ошибка прохожего – его концом. Власть и массы, если следовать логике Бодрийара, являются масс в схожей ситуации, - если власть разгадает загадку Сфинкса по имени Масса, она одержит победу, а если промахнётся утерит свою функциональность и мощь вообще чем то управлять. Бодрийар говорит: «Принято считать, что вводя в массы информацию, их структурируют, что спомощю информации и послании высвобождается заключённая в них социальная энергия. На самом же деле всё складывается прямо противоположным образом. Вместо того чтобы трансформировать массу в энергию, информация осуществляет дальнейшее производство массы... Масса является массой только потому, что её социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую

действительную активность. Она похожа на те практически бесполезные устройства, которые продолжают эксплуатировать, неся большие убытки»⁷.

В конце этой чрезвычайно интересной работы Бодрийара, с социологической точки зрения, автором выдвинуты 3 гипотезы относительно социального как такового:

I – Социальное, по сути дела, никогда не существовало.

II – Социальное всё же существовала и существует, более того, она постоянно нарастает.

III – Социальное, безусловно, существовало, но сейчас его больше нет.

Анализируя работу Бодрийара, я дошла до вывода, что он разделяет третью гипотезу: в мире где реальность заполнена симулякрами третьего ранга, социальное исчезает из поле зрения, что весьма прискорбно!

Массы предствояют собой угрозу не только для какого-либо отдельного общества, они имеют мощь поглотить вообще мировую культуру, цивилизацию. В 2007 году, весной, в Тбилиссском фонде «Открытого общества» по этой теме читал лекции немецкий професор из города Бохума Вольфганг Байердорф. Господин Вольфганг сравнил массы с розрыхлителем теста, сначала она не заметна, но постепенно разлихлённое тесто вздымается и мы выдем какова сила этой невидимой горстки. Байердорф россмотрел на данной лекции философскую новелу Эдгара Алана По – «Человек массы», где По мастерски выявляет подлинную сушность массы. Она, как главный герой новелы всё время в движении, она неугомонима, но главное, что ею движет не какая-нибудь разумная сила, а сила хаоса, сила однозначна нецеленаправленная. Воставшие массы привлекают Эдгара По настолько, что он этой теме посвящает ещё один философский рассказ: «Разговор с мумией». Это жанр фантастики. Главный персонаж рассказа, мумия из рода Скарабеев, вступившая в контакт с учённым нашей эпохи, рассказывает им о крахе его цивилизации. Оказывается они погибли от восставшей массы, которая называла себя демократией. Это скептическое мнение о демократичности демократии Эдгара По привлекает внимание своей пронциательностью.

Вернёмся опять таки к Бодрийару. Бодрийар подчеркнул в своих работах все те риски, которые стоят перед современностью и грозатся дезорганизацией общества

⁷ Бодрийар Ж., «В тени молчаливого большинства», стр. 14-15

путём истощения социального как такового. Правильная постановка вопроса и его осмысление, это уже первый шаг и его решению. Так что Бодрийар достиг многого своими изысканиями как учённый.

1.4. – это последняя глава первой части диссертации, и в ней общество представлено как многогранное социальное поле, этот подход принадлежит также французскому социальному мыслителю, социологу Пьеру Бурдьё. Бурдьё социальному миру придаёт образно форму многогранного пространства, который построен по принципам дифференциации и распределения. «Агенты и группы агентов определяются по их относительным позициям в этом простом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в определённые классы близких друг другу позиций, т. е. в определённой области данного пространства, и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если мысленно это возможно... Можно описать это пространство как поле сил, которые навязываются всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям»⁸.

Различные виды капитала, которые активны в различных слоях социального пространства, представляют собою власть, они как козыры в игре, они определяют выигрыш или проигрыш в том или ином поле. Например, большая доля культурного капитала гарант выигрыша всех тех областях, где вращается капитал данного вида, т. е. где он в силе определить позицию в социальном пространстве. Подобное можно сказать о экономическом и равномерно о политическом капитале.

Бурдьё подчеркивает как важна информация о тех позициях, которые занимают индивиды в различных полях. Знание позиции подразумевает и знание внутренних характеристик индивидов. На базе знания полей, говорит Бурдьё, мы можем выделять классы, в логическом смысле этого слова, т. е. совокупность агентов, которые занимают подобные позиции, расположены в аналогических условиях и повергаются одиноковой обособленности. Это класс на бумаге, который имеет теоретическую действительность, подобно всякой теории... «Однако, реально это не класс, это не настоящий класс в смысле группы, причём группы «мобилизованный», готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс, поскольку он есть

⁸ Бурдьё П., «Социология политики», стр. 56

совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их «мобилизации», чем какая-либо другая совокупность агентов»⁹. Бурдьё не раз подчёркивает, что классы в виде реальных групп не существуют. Единственное, что существует это поле отношения, которая также реальна, как и географическое пространство, где перемещение оплачивается трудом, усилиями и особенно временем. Идти к вершинам социальной иерархии, значит коробкаться и нести тягость всех этих усилий... Бурдьё считает важным интегрирование тех представлений, которые имеются у агентов по отношению социального пространства. Восприятие социального пространства продукт двойного социального конструирования: объективного и субъективного. Насчёт объективного структурирования Бурдьё приводит такой пример, который почему-то во мне своей простотой и точностью вызывает улыбку: «так же, как у животного, имеющего перья, больше шансов обладать крыльями, чем у животного, имеющего мех, так и у владельцев большого культурного капитала больше шансов стать посетителями музеев, чем у тех, кто этого капитала лишён»¹⁰.

Бурдьё подчёркивает, что каждый нормальный человек имеет чувство своей позиции, чувство того что дозволено нам и в чём должны себе отказывать. Это знание есть своеобразное молчаливое принятие своей позиции, чувство границ – «это не для нас». Это доводится до дистанцирования от «чужих» пределов, которые явны и которых уважают. Люди, в том числе и других заставляют придерживаться своих пределов.

Бурдьё затрагивает вопрос символической и официальной номинации в обществе. Символическая номинация связана с престижем, с имиджем. А официальной номинацией служит ранг диплома. Диплом владеет ценностью на любом рынке, поскольку официальное определение официальной идентичности высвобождает его владельца из сетей символической борьбы «всех против всех» и придаёт ему «легитимную» всеми признаваемую перспективу. Бурдьё говорит, классификация это неоспоримая прерогатива государства. Она является своеобразным высшим судом.

Бурдьё заметил, что агенты часто прибегают к практической или символической стратегии, дабы достичь максимализацию прибыли от номинации. Например, они

⁹ Бурдьё П., «Социология политики», стр. 59

¹⁰ Бурдьё П., «Социология политики», стр. 63-64

могут отказаться от высокооплачиваемой должности и принять низкооплачиваемую, если это последняя окажется более престижной. Или могут выбрать позицию, которая более расплывчива. Это даёт им возможность защититься от символической девальвации. Они определяя свою профессиональную идентичность, могут назваться таким именем, которая охватывает более широкий класс. Таким образом, агенты занимающие более высокие позиции окажутся включёнными в их среде. Например, учитель может представится как педагог, а педагогом называется и школьный учитель и преподаватель Вузов одновременно. Агенты всегда имели выбор меж несколькими названиями и могли играть неопределённостью, что связана с многими перспективами. Агенты таким образом могут смягчить выговор официальной таксономии.

Институционный и законный а не просто легитимный символический капитал оказывается постепенно всё более в тесной связи с научным знанием, поскольку система образования стремится предоставить достоверные и многообещающие гарантии для всякого социального звания.

Символический капитал является самодостаточным. Высокое звание может сосуществовать двойному вознаграждению в процессе труда. Например, один и тот же труд в организациях оплачивается по разному, смотря на то кто был исполнителем данной работы: штатский сотрудник, внештатный сотрудник, стажёр или практикант. Звание самособой это более твёрдая институция, чем внутренние характеристики труда.

Бурдье подчёркивает, что социальный мир это то, чем каждый отдельный момент заняты агенты. По этому знание агентами занятых позиции так важна для социологической теории. Разрушить или перестроить социальный порядок можно с помощью реального знания того, что из себя представляет социальный мир.

В первой части диссертации я объединила предшественников общественных теории 20-го века французской социальной мысли (Фернан Бродель, Мишель Фуко, Жан Бодрийар, Пьер Бурдье). Я с самого начала в постановке подчеркнула, что это объединение не определено принадлежностью одной национальной школе. Естественно, принадлежность одной национальной школе определяет меж различными поколениями его представителей идейную предприимчивость, интерес к одним и тем же вопросам и схожий стиль мышления, но для меня главным оказалось то, что каждый

здесь рассмотренный автор рассматривал общество как «Множество множеств», где единицы связаны друг с другом функционально и главное рационально, что облегчает в их сети разбросанным индивидам ориентирование в биту и в общественной жизни, облегчает восприятие своей социальной роли и соответственно с нею помогает действовать целенаправленно. Бродель также как Фуко и Бордиейар подчёркивают, что для гармоничности общества наиважно ровное балансирование межобщественных подсистем. Фуко в работе «надзирать и наказывать» не случайно описал т. н. дисциплинированное общество, которая фактически обустроена принципом Паноптикума и превращает индивидов в узников и отнимает у них право независимого действия и вообще право мыслить. Это результат гегемонии политической системы и чрезмерной власти. Бордиейар в «системе вещей» показывает как современная экономика вступает в альянс с политикой и этот альянс опять таки противостоит принципам открытого общества, где независимость индивида свята. Альянс экономики и политики действует в ущерб равенства индивидов.

Бурдьё описывает более стабильное общество. Им описанная социальная реальность даёт повод для спокойствия. Здесь на верхушке общественной пирамиды культурная подсистема и капитал накопленный в данной сфере определяет успех агента в его жизни и продвижение на социально-иерархической лестнице. Бурдьё косвенно намекает в своей «Социологии политики», или же мы сами можем логически прийти до этого вывода, что если в обществе габитус индивида и его социальная позиция определяется пакетом в его владении оказавшей культурного капитала, то это общество открыто, оно модерна и её можно принимать за эталон.

С помощью экономического капитала можно приобрести козыря в политической игре. Равномерно и политический капитал может предстать гарантом большого успеха в бизнесе. Эти две подсистемы часто вступают в незаконный и пагубный для демократического общества альянс. Культурный капитал же накапливается индивидом в следствии его целенаправленного долгого интеллектуального труда с помощью прирождённых особых умственных способностей.

Выше сказанным естественно я не оспариваю способности конкретно взятых олигархов или политиков, мы просто хотим подчеркнуть риск, перед которым

окажется общество в случае нежелательного альянса политических и экономических секторов.

Вторая часть диссертации называется так: «Общество в современных функционалистских теориях опасность, стоящая перед лицом открытого общества». Здесь объединены 3 главы, которые охватывают теории следующих авторов – Никласа Лумана, Талькота Парсонса и Джорджа Сороса.

В главе 2.1. общество предстаёт как совокупность коммуникации, этот подход в социологии обосновал немецкий социолог Никлас Луман. Фактически эта глава анализ теории Лумана о сущности общества как такового. Луман советует во время определения понятия общества не руководиться простой формулой человека. Ему общество не представляется простым объединением людей. По мнению Лумана люди не являются частью общества, они принадлежат к его внешнему миру. «Общество же состоит из коммуникаций – событий, сменяющих друг друга во времени. Структура общества представлена учреждениями, способными связывать эти мимолётные события, а принцип структурирования заключается в дифференцировании коммуникации. В современном обществе дифференцируются не группы людей а типы коммуникации, в которых человек участвует, играя роли избирателя, ученика, покупателя и т. д. Как целое, человек – реальность внешнего мира системы, он наблюдатель, строитель теории. Однако любая сколько-нибудь универсальная теория общества принадлежит обществу, является следствием и тематизируется в процессе коммуникаций и в этом смысле обращена на самого себя, является самосодержащей и самореференциальной «пьесой в пьесе»¹¹. Для Лумана коммуникация не ориентирована на субъекта, как на автора. Он коммуникацию представляет закрытым, самодостаточным аутоплетическим механизмом. Он объявляет, только коммуникацию в силе осуществить коммуникацию и только в её закрытой сети вырабатывается то, что мы понимаем как «действие». Коммуникация, это социальная операция, которая оживляется во время содействия социальной ситуации. Он производится с помощью 3 различных селекции:

1. Селекция информации;
2. Селекция сообщения этой информации;

¹¹ Луман Н., «Власть», Анализ А. Ю. Антоновского, стр. 225

3. Селективное понимание или непонимание этого сообщения и его информации.

Система коммуникации в своих же границах производит элементы, с помощью которых обеспечиваются последующие коммуникации.

В различных системах общества коммуникации управляются специфическими для этих систем символически генерализированными медийными кодами. Например, в экономической подсистеме коммуникация управляется т. н. монетарным кодированием, в подсистеме науки функция кода принадлежит истине, а в политической подсистеме коммуникационным кодом предстаёт власть. Власть как средство коммуникации главная тема в общественной теории Лумана. Он власть раньше понимал как ограничение пространства селекции партнёра. Хотя после он изменил свою позицию и с тех пор всё время подчёркивал, что власть отличается от какого либо принуждения, которая ориентирована на конкретное действие. Лицо, которая находится под нажимом принуждения, лишены свободного выбора. А власть же расширяется на базе увеличения свобод под данными. Функция власти объединить полюсы двойной контингенции. Когда перегружается функциями принуждения, он теряет собственный облик. Принуждение подразумевает отказ от преимуществ символической генерализации. Во время принуждения мы не можем вычислить селекцию партнёра и теряем над ним контроль. Крайняя форма принуждения, это физическое воздействие. Во время насилия поступки «эго» заменяются поступками «альтера», точнее решениями. В отличие от принуждения целью власти является не ликвидирование воли «эго», а лишь его нейтрализация.

Власть, представляет собой постоянную возможность и в виде способностей и характеристик предписывается властителю. Но, говорит Луман, применять власть всегда, везде и ко всех сферах властного пространства ошибочно. Это чрезвычайно обременяет власть имеющего и тормозит выявление важных властных аккумуляции. Властитель должен подходить к власти селективно. Он каждый раз заранее должен измерять в какой мере требуется его вмешание. Властитель вынужден выработать в себе дисциплину, он должен предусмотреть риск власти. Новейшая экономическая теория власти против риска власти и против неразумных трат властных ресурсов вырабатывает

своеобразную калькуляцию, согласно которого применение властных ресурсов должна быть пропорциональной моще противостояния.

Луман сопоставляет принуждение и альтернативы его остерегания. Принуждение можно осуществить косвенным путём. Мы можем демонстрировать помпезно мощь власти и этим искоренять в сознании индивидов желание противостоять ему, потому что те, для которых выставляется моща власти на показ, хорошо осмыслиют, что идти противоположным путём это безрассудство. Это принуждение можно назвать потенциальным, раз она только грозитя реализоваться и довольствуется лишь этой угрозой. Когда власть «грозится», другой части населения остаётся выбрать альтернативу остерегания.

Луман думает, что власть надо расчленить во времени в виде интеракционных процессов, чтобы властные решения стали последовательными. Социальная система владеет большими возможностями, но для урегулирования комплексности ему нужно свои операции расчленить во времен, т. е. операции должны стать этапическими. То что нельзя достичь сразу, становится возможным следуя последовательной стратегии со временем. Так расширяется спектр интегрированных, связанных с друг другом систем действию.

Подобная стратегия деления времени для улучшения эффективности результатов решения властимеющего расположено в самой сфере его действию. Он может для себя уяснить первоначально неточные схемы расширения желаемых действию. Властитель разумеется догадывается, что он имеет мощ употреблять свою власть как ему заблагоросудится, но это таит в себе и риск лишения власти. Властитель с начала стараются убедиться, достаточно ли для управления масс одно лишь знание того, в чьих руках концентрирована власть. Если вопреки этому ему будут противостоять, он может перейти на более чётко выражённой имплицитной и даже эксплицитной коммуникации по отношению власти, т. е. на угрозу. Последний со временем принимает более серьёзный вид. И в конце если даже угроза бездейственна, властимеющий должен решить использует он санкции или предаст преимущество альтернативам остерегания. Этот единый цель стратегии дан самой системой, где все эти и другие явления преобретают реальность и сам код власти требует такой подход. Всё делается во благо расширения властного потенциала и его сохранения. Луман

выше сказанным подчёркивает что в обществе не имеют место случайные явления. В обществе всё заранее расписано. Система и код контролируют все возможные события в нашей повседневности, всё рационализированно!

Луману символическая генерализация представляется расширением всевозможных властных возможностей, что также лежит в основе кода и в процессе дифференциации. Под генерализацией Луман подразумевает обобщение смысловых ориентации, что делает возможным в разных партнёрах в разной ситуации фиксирование идентических смыслов. Этим путём достигается относительная свобода от ситуации, отбрасывается неопределённость и становится возможным формирование комплементарных ожиданий.

Луман в книге «Власть» рассматривает двойной риск власти, т. е. когда злоупотребляют властью, а второе следствие неэффективности власти в современной высоко дифференцированном обществе, которая всё время эволюционирует и требует в минимальном сроке принимать эффективные решения от власти, что во время перегруженности политической системы не такая уж лёгкая задача. Сразу же как власть осознаёт свою неэффектность, процес его дезориентации ускоряется. В нашей эпохе проблемой становится бремя принятия решения. И это бремя логично не должна стать задачей лишь одной общественной подсистемы. Уже невозможным становится управления с одного единого центра.

Орган принимающие решения может блокировать цепь власти, рассказывает Луман. В этом случае он не способен воздействовать на что бы то не было, он бессилен отдавать ответы, но способен не принуждению и всё же в силе противостоять. Бывает иногда «власть» намеренно убегает от ответственности принять решение. От такой власти более ожидаемо негативное действие, чем правильное и позитивное.

Риск власти растёт под влиянием дефицита времени _(здесь подразумевается время, которое требуется для реагирования) и перегруженности системы. Луман подчёркивает, не жестокость материи и календарь делают невозможным синхронизацию процесса. Это результат высокой дифференцированности современного общества в следствии его эволюции. Власть постепенно перестаёт функционировать как единый технический субститут авторитета, репутации и лидерства. Мы уже не можем опираться на такой генерализации влияния в развитом обществе, когда

рассматриваем центральную функцию власти. Вместо него развиваются технические субституты власти, которые принимают форму скажем самомистификации лидера или внушении массам чувства успеха.

В поле внимания Лумана попадают также существующие в бюрократических организациях отношения меж руководителями и подданным. Организация образуется на базе членства. Внутрисистемные отношения регулируются предписаниями насчёт ролей членов. Члены в организациях идентифицируются с помощью их «позиции» и как раз эти позиции регулируют формы отношения. Часто в организациях власть порождает свою противоположную власть, т. е. когда формальная власть руководителя соприкоснётся с неформальной властью подданных всегда определяется ситуацией. Когда растёт неформальная власть подданных они становятся небрежными в своих действиях, что порождает меж них личностный конфликт. А в конфликтной ситуации руководителю отводится новая функция, функция урегулирования и предотвращения конфликта. Таким образом, ранее утекшая власть возвращается с босу и даже удвояется.

Вообще надо подчеркнуть, что манера вырождения Лумана столь трудна, что читателю для его ясного понятия часто приходится читать его критиков, аналитиков его теории.

В главе 2.2. общество представлено как подсистема системы действия и здесь дан анализ общественной теории действия и здесь дан общественной теории Талькота Парсонса. Талькот Парсонс социальную подсистему рассматривает как составляющую часть более общей системы действия. Он отмечает, что в систему действия включены и другие подсистемы, например культурная и личностная, а также поведенческий организм. Все они представляют собой абстракции и выделены из реального потока социальных взаимодействий. Культурная подсистема, личностная и поведенческий организм являются по отношению социальной подсистемы компонентами его (внешней) среды. Любой подсистеме действия Парсонс предписывает характерную для него функцию, например: интеграцию, воспроизводство образца, целедостижение, адаптацию. Парсонс составляет схему т. н. системы действия и этим старается более чётко проиллюстрировать его суть:

Схема «Действие»¹²:

ПОДСИСТЕМЫ	ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ
Социальная	Интеграция
Культурная	Воспроизводство
Личностная	Целедостижение
Поведенческий организм	Адаптация

В тёмных графах схемы расположена среда социальной подсистемы

Парсонс считает, что для анализа социальной подсистемы должны руководиться 4-мя понятиями, эти: Ценности, нормы, коллективы и роли. «Ценности» это представления о желанном типе социальной системы, они регулируют принятия на себе тех обязательств, которые определены системой действия. Основная функция «Норм», это интеграция общества; они конкретны, специализированны и соответствуют определённому типу ситуации. Они состоят из элементов ценностных систем, также из конкретных возможностей для ориентации в действие в функциональных и ситуационных условиях. Эти «возможности» для ориентации специфичны для определённых коллективов и для определённых ролей. «Коллективы» принадлежат к тем структурным компонентам, для которых на первом плане стоит функция целедостижения. Парсонс с самого начала исключает из рода коллективов масс и перечисляет критерии, которых должны удовлетворять группа, дабы называется коллективом: I – определённый статус членства, на основе чего различили бы членов от не являющихся членами. II – Внутри коллектива на основе статуса и функции должны дифференцироваться его члены. Так каждый примет на себя те обязательства исполнение которых не ожидается от остальных. «Роль» в первую очередь это средство для определения класса индивидов. Роль совмещает в себе те элементы, которые размещены в зоне взаимопроникновения социальной системы и личности индивида. Хотя, какая ни будь отдельно взятая роль не представляет собой средство для различия

¹² Парсонс Т., «Система современных обществ», стр. 16

индивида. Отец, особенный отец только для его детей, а с точки зрения общественной ролевой структуры он только один из множеств отцов. Он также участвует в других различных взаимоотношениях. Например, исполняет свои обязательства в профессиональных структурах.

Что касается системы общества его Парсонс делит на 4 части и для иллюстрирования этой дифференциации опять таки предлагает схему: «общество, или более обобщенно – социальная система»¹³

ПОДСИСТЕМЫ	СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ	АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ	ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ
Социетальное сообщество	Нормы	Включение	Интеграция
Воспроизводство образца или фидуциария подсистема	Ценности	Генерализация ценностей	Воспроизводство образца
Политика	Коллективы	Дифференциация	Целедостижение
Экономика	Роли	Повишение адаптивного потенциала	Адаптация

По мнению Парсонса ядром общества является социетальная подсистема. В теории Парсонса центральное понятие – «социетальное общество» - звучит несколько необычно. Основная функция этой подсистемы заключается в определении обязательств для членов общества, которые вытекают от лояльности социальным коллективам. Здесь Парсонс выдвигает на первый план значимость ролевого

¹³ Парсонс Т., там же, стр. 24

плюрализма. Ролевой плюрализм является функциональной чертой каждого человеческого общества, т. е. участие одних и тех же людей в разных коллективах. Расширение ролевого плюрализма значительно сопутствует процессу дифференциации, что обеспечивает само собой становление современного общества. Исходя из этого главная задача социетальной подсистемы обеспечение в членах общества лояльности как к самому себе, так и в отношении других коллективов.

В условиях ролевого плюрализма в стратификационной системе возникает особенно трудная проблема статуса личности. Исторически, говорит Парсонс, стратификационным системам было свойственно рассматривать индивидов по их принадлежности к коллективным системам, членство в которых определяло их статус. Схожую роль играли родовые коллективы, этнические группы, слои, социальные классы. Однако, современное общество требует высвобождение индивидуального статуса из оков подобных коллективов...

С точки зрения Парсонса в стратификационной системе положения коллективов или индивида измеряется его престижем, т. е. умением влиять. Умение влиять можно рассматривать как обобщённое символическое средство социетального обмена наряду власти и денег. Влияние это способность достижения от остальных социальных агентов нужного нам результата, и так чтобы мы не нуждались в это время их привлекать к данному решению или к действию с помощью соблазна или какой-либо угрозы. Это «quid pro quo» влияние должно действовать с помощью убеждения. Будто решение, которое мы диктуем объекту воздействия, представляет собой действие, которое в первую очередь в интересах коллектива и по его отношению субъект также солидарен как и объект. Он в первую очередь апеллирует на коллективных интересах, но обычно исходит из того, что обе стороны, обеспечивая коллективные интересы удовлетворяют и свои личные интересы.

Моё внимание у Парсонса привлекло его чрезмерная интересная классификация типов общества. Он выделяет следующие виды общества:

1. Общества универсалистского типа достижения (Индустриальное общество);
2. Общества универсалистского типа приписывания;
3. Общества партикуляристского типа достижения;
4. Общества партикуляристского типа приписывания.

Данную классификацию обществ Парсонс ясно и чётко анализирует В. И. Курбатов. Этот самый анализ и дан в моей диссертации. Общество универалистского типа достижения это современное открытое общество. Здесь обеспечена открытая система социального расслоения, которая основана на равенстве шансов и мобильности носителей ролей и средств производства. По мнению Парсонса иллюстрацией же общества универалистского типа предписывания служат СССР и национал-социалистская Германия. Этот тип ориентирован весьма коллективистский: статус определяется не благодаря достижению, а иными, чем профессионально_структурные, преимущественно диффузными механизмами. На основе коллективизма доминирует жесткий дуализм распределения тех, кто «за нас» и тех, кто «против нас». Олицетворением общества партикуляристского типа достижения Парсонс считал древнюю китайскую империю. А последний тип общества партикуляристского типа приписывания это Латинская Америка, опять таки согласно Парсонсу. Вообще надо отметить, что кроме первого, все здесь перечисленные общества это закрытые не демократические политические структуры.

В главе 2.3., которым закончивается вторая часть работы и сама эта диссертация, рассмотрено «Открытое общество» как таковое и риски, которые являются помехой для его гармонического развития.

Т. н. теория открытого общества принадлежит Карлу Попперу, но в моей работе дана интерпретация и продолжение этой теории, автором которой является приверженец и большой поклонник Поппера Джордж Сорос. Моё внимание привлекли следующие работы Сороса: «Советская система к открытому обществу» и «Открытое общество реформируя глобальный капитализм». Здесь рассмотрены почти все те вопросы, которые привлекли мой интерес в данной диссертации. Из них я особо выделю проблему, которая стоит перед любым обществом – свободу индивида.

Как нам известно Джордж Сорос испытал огромное влияние концепции Карла Поппера («открытого общества»), что практический и определил весь характер его деятельности. Он поставил перед собой следующую цель – «Открытое общество» из теории укоренить в практику, т. е. сделать его реальной формой нашего бытия. Он в течении годов работал неустанно и создал в разных странах весьма активные и деятельные сети офисов «открытого общества». Он боролся с врагами открытого

общества, против догматического мышления, авторитаризации, неравной конкуренции, против нивелирования прав индивидов и т. д. В течении многих лет тратил большие деньги в разных странах для поддержания развития демократии и критического мышления. «Кривую политику» он старался искоренить с отаки из систем культуры и образования. Сначала у Сороса, также как и у Поппера на виду была простая дихотомия для измерения реальности: Открытое общество – закрытое общество. И главной угрозой для открытого общества считался доминирующая идеология, которая как правило первенство отдавало коллективу в ущерб индивида. Но изменения происходящие в современном обществе показали, что коммунизм и социализм давно как уже дискредитировали себя. Соответственно трансформировались и угрозы для открытого общества. Уже не доминирующая идеология и ценности, а отсутствие ценностных систем и узурпация рынком общества предстает опасностью. Это довольно актуальная проблема, что и привлекает внимание Сороса и которого он старается решить. Анализу этой проблемы и посвящается книга «Открытое общество реформируя глобальный капитализм». В главе 2.3. я рассматриваю главные вопросы из данной работы Сороса. На фоне изменении структур общества появился и третий тип т. н. общество хаоса, революционное общество, для которого характерна динамичная неуровновешенность. Как понимает Сорос явление «динамичной неуровновешенности» и вообще «общества хаоса», также дано мною в этой данной главе (2.3.)

Сорос рассматривает разные формы мышления, которые соответствуют разным типам общества. Т. н. традиционное мышление не допускает даже возможность изменении и существующий порядок вещей принимает единственно возможным. Этот тип мышления характерен для «органического общества». Критическое мышление постоянно в поисках изменении. Она изначально признаёт приверженность людей ошибкам и совершенство для него недостижимый идеал. Критическое мышление в силе провести чёткую границу между мышлением и реальностью. Он осознаёт рефлексивность их связи. Критическое мышление ядро открытого общества. Догматическое мышление не терпит неопределённость. Она старается каждому явлению, каждой вещи дать своё имя, и это «крещение» он объявляет единственной неоспоримой истиной. Догматическое мышление властвуют в авторитарных, в закрытых обществах.

Сорос с большим вниманием подчёркивал, что крах закрытого общества вовсе не подразумевает появление открытого общества. Напротив, вследствие колапса рушится власть и общество дезорганизуется. А хилое государство предстает собой не меньшую опасность для демократии, чем авторитаризм.

Критика Сороса направлена не на авторитарную систему строя, которая давно дискредитировала себя и вследствие стало частью истории, а на модерную западную систему, которая по словам Сороса осталась без ориентиров. Наше современное общество никак не разберётся в ценностях, он не знает как совместить меж собою общественные и рыночные ценности. Вследствии субъективные и объективные ценности пересекаются, что несёт за собой жуткую неопределённость. Современное западное общество испытывает дефицит интегрирующих ценностей. Люди в каждой эпохе страдали от эрозии подобных ценностей, но сегодня мы дошли до крайности. Сегодня распространяются рыночные ценности, которые личные интересы ставят выше общественного.

Сорос говорит, на фоне упадка морали и этики, рыночные ценности вторглись в тех сферах, где им места. Например, в личностные отношения, в политику, в юриспруденцию, в медицину и т. д. Длительные деловые отношения уступают место одноразным сделкам. В место магазинов, владельцы которых в лицо знали каждого своего постоянного потребителя, пришли супермаркеты, а только-что к этому добавился и интернет-шопинг. Национальная экономика сдаётся и уступает место международной торговле. А международное общество, если о таком вообще можно говорить, пока что создала мизерную долю интегрирующих ценностей.

Общество которая зыждется на сделках, естественно не заботится о общественных ценностях и моральные ограничения стоновится всё более слабыми. Общественные ценности являются мерилкой нашей заботы о других людях. С их помощью мы отождествляем людей с разными общностями – с семьёй, с родом, с нацией, с человечеством – коллективные интересы которых они ставят превыше своих личностных. Глобальная экономика, жалуется Сорос, вовсе не предстает собой «единство» в виде общности. В него включены люди с разными традициями. Сорос подчёркивает, что в условиях жёсткой конкуренции не столь уж легко сохранить чувство заботы о других, не легко требовать от всех, чтоб они проявили такую заботу –

это даже невозможно! Условия рынка такое, альтруизм приносит ущерб, а т. н. эгоисты добываются успехов. Рыночный фундаментализм только усложняет ситуацию. Это постулат, который утверждает, что общие интересы обеспечиваются только в том случае, если каждый заботится о своём личном, морально оправдывает поощрение личных интересов. В нашем беспощадном мире преимущество имеют те, которые придерживаются этой логики, их не останавливают моральные препятствия. Сорос считает, что успехи достижимые на основе таких преимуществ могут иметь кумулятивный характер.

Сорос находит, что между рыночным фундаментализмом и коммунизмом существует одно неприятное сходство. Своим происхождением оба зависят от общественных наук. В одном случае – от рыночно-экономической теории, и во втором – от Марксизма. Соросу кажется, что рыночный фундаментализм представляет для открытого общества опасность более широкого размера, чем коммунизм. Ведь коммунизм и социализм уже дискредитированы, а рыночный фундаментализм только что расправил крылья.

Сорос старается решить две задачи:

1. продемонстрировать недостатки рыночного фундаментализма
2. Чётко определить принципы открытого общества.

Первую задачу он находит сравнительно лёгким. Он считает, что рынки не стремятся к равновесию. Общественные ценности не отражаются на рынке. Что имеет место здесь (на рынке), это лишь существующее распределение активов. Рынок не создан для того, чтобы перераспределять эти активы по принципам социальной справедливости. Вследствии чего социальная справедливость находится за рамками рынка. Экономическая теория молчит по поводу того, обязаны ли выигравшие хоть кое как возместить ущерб проигравшим, поскольку этот вопрос связан с общественными ценностями. Экономическая теория однозначно старается быть свободным от них. Рыночные фундаменталисты считают, что наилучшая политика состоит в предоставлении им полной свободы действия. Сорос говорит, это вера имела бы почву, если бы рынок обеспечивал общее экономическое равновесие и социальную справедливость. Но ею ни одна, ни другая цель не достигнута. Мы видим, что вмешательство политики не то что уместно, но даже обязательно. Она поддержит стабильность и смягчит неравенство. Но, беда в том, замечает с сожалением Сорос, что политические решения оказываются более

несовершенными, чем рыночные. Этот опыт предаёт сильнейший аргумент рынку! Более того, это становится главным козырем для рыночных фундаменталистов в своей идеологической борьбе против оппонентов. Но всё же, Сорос советует им не так уж злоупотреблять этим аргументом. Сорос подчёркивает, политика возможно неэффективна и даже корумпирована, но без политики не обойтись. Аргументы рыночных фундаменталистов годились бы для совершенного мира, но для субоптимального никак нет. Соросовая критика рынка кратко в трёх пунктах выглядит так:

I – Структура рынка не даёт возможность справедливого распределения.

Существующее деление прибили ему представляется неоспоримым.

II – На рынке не отражаются общественные интересы. Нельзя сказать, что рынок аморален, но фактом остаётся то, что он точно вне рамок морали.

III – Финансовые рынки своей природою нестабильны!

После критики рыночного фундаментализма Сорос старается выявить главные принципы открытого общества. Он вполне согласен с руководителем одного своего фонда, который перечислил условия необходимые для функционирования открытого общества и разделяет его мнение. Этот господин некий Арье Нейер. Я буду цитировать прямо из книги Сороса:

«1) Регулярные, свободные, честные выборы. 2) Свободные, плюралистические средства массовой информации. 3) Верховенство закона, поддерживаемое независимой судебной властью. 4) Конституционная защита прав меньшинств. 5) Рыночная экономика, при которой уважаются право собственности, обеспечиваются равные возможности и существуют гарантии для обездоленных. 6) Приверженность мирному разрешению конфликтов. 7) Наличие законов, позволяющих обуздывать коррупцию»¹⁴.

Сорос считает, что мы не можем требовать от всякого общества одинаковую степень демократии, поскольку каждое общество пребывает на различном уровне развития. Правители экономически менее развитых стран часто жалуются на то, что они вынуждены придерживаться «менее низких стандартов» и этим стараются оправдать свою политику. Что касается уровня жизни, в этом вопросе они правы, но когда дело касается свободы мышления и выявления собственного, личностного «я» - никак нет! Более того, в слабых странах свободно мыслящие люди редкость и их права должны защищаться упорно, чем это происходит в странах сильной демократии. В не продвинутых свободно мыслящие люди это как бы своеобразный клад!

¹⁴ Сорос Дж., «Открытое общество реформируя глобальный капитализм», стр. 190

Сорос подчёркивает, что социальная справедливость вовсе не подразумевает равенство. Такое отождествление нас повело бы назад к коммунизму. Сорос предаёт преимущество концепции Джона Роулса о социальной справедливости, согласно которому, нарастание богатства должно подразумевать кое-какое обеспечение не имеющих (т. е. материально необеспеченных слоев общества). Степень обеспечения неимущих каждое общество должна определять самостоятельно и периодически менять соответствуя потребностям времени. Для каждого члена общества обеспечение равных возможностей – вот что должна стать целью международных организаций.

Сорос обращает внимание на заглавие работы Поппера – «Открытое общество и его враги» и объявляет, что открытое общество как раз таки нуждается во врагах, потому что «враги» дают стимул борьбы за открытое общество. Из за существования врагов становится открытым идеалом. В различных исторических эпохах открытому обществу противостояли разные враги. Если в течение 20-го века это был коммунизм и социализм, возможно им окажется нынче рыночный фундаментализм, в будущем ещё что-нибудь и т. д. По мнению Сороса, к счастью всегда существует что-то, против чего стоит бороться: нищета, болезни, опасности вызванные загрязнением природы... вовсе не обязательно, что врагом был государство-соперник. Пока мы не определим общего врага, против которого должны бороться, нам придётся жить в расчленённом, друг от друга изолированном мире, где национальные государства впустую будут тратить свою энергию в борьбе меж собою. Мы можем создать демократические государства, которые станут признавать верховенство закона и будут уважать друг друга. В конце Сорос объявляет, что мы должны создать глобальное открытое общество, в границах которого гармонично разместятся все отдельные страны и фундаментом этого мега-общества должны стать общечеловеческие ценности.

Главой 2.3. кончается вторая часть диссертации, к чему добавляются т. н. суммирование всех выше пересказанных вопросов. На последок все вопросы объединяются в одну логическую цепь и снова рассматриваются для прояснения сути мною данной работы.

Я с самом начале в постановке вопроса заметила, что целью этой диссертации является не простое рассмотрение различных общественных теории, а анализ распределения власти в обществах и связанной с ним степени свободы индивидов. Поскольку в рамках этой работы мною не были проведены эмпирические исследования, я оперлась на материальных таких авторитетных исследователей как Фернан Бродель, Мишель Фуко, Жан Бодрийар, Пьер Бурдьё, Никлас Луман, Талькот Пирсонс и Джордж Сорос. В их теориях безукоризненно иллюстрированы механизмы функционирования

любого типа обществ и правила их внутрисистемного устройства; тип мышления соответствующие разным обществам; степень свободы, которая отводится индивиду от системы; темп и характер социальной мобильности.

Объединение перечисленных авторов не является случайным. Вокруг общества или сформулированные концепции опираются на богатые эмпирические материалы. В особенности это касается Фернана Броделя, Мишеля Фуко, Жана Бодрийара и Джорджа Сороса. Бродель и Фуко пользуются компаративистским методом, с помощью сравнения современного общества с средневековым они показывают насколько открыто и эгалитарно наше нынешнее общество. Для измерения иерархизированности современного общества Бодрийар исследует обволакивающую нас материальную систему вещей. Этот метод в первые применил Бродель, когда средневековую Европу изучил как «Материальную цивилизацию». Фуко также интересовался архитектурой, точнее тем как дисциплина, власть использует его в своих целях для муштрирования людей и целого общества. У Пьера Бурдьё интересно сопоставлены субъективизм и объективизм. Сорос, как и Бурдьё считал, что созерцание своей личности (рефлексия) индивидами служит корректированию их бытия, - если это рефлексия является объективной, т. е. если представления о фактах и данностях не искажают реальность. Сорос этот «закон» обобщает и на обществах. Бурдьё взаимосвязи рассматривает символическую и официальную номинацию, что является правильным подходом. Символическая номинация осуществляется со стороны индивида и ему близких людей. А официальная в силу членства в институциональной организации, также пакетом т. н. культурного, экономического и политического капитала. Бурдьё подчёркивает особую значимость в современном обществе культурного капитала. С её помощи всё больше растёт шанс у индивида для продуктивной самореализации. Сорос, как и Бодрийар серьёзно озадачен теми опасностями, которые грозятся закатом открытого общества. Это дефицит интегрирующих общечеловеческих ценностей, что затормаживает функционирование фидуциарной подсистемы и создаёт опасность воспроизводству образца в обществе. Фидуциарные и социетальные подсистемы тесно взаимосвязаны и упадок одного из них отражается рикошетом на другого. Когда социетальная подсистема обязана кроме включения индивидов и интеграции заниматься ещё другими задачами, она вследствие перегрузки девальвируется, результатом чего возможно станет отчуждение большинства членов общества. А напоследок мы получим аномичное общество. Фуко рассматривал риски связанные с чрезмерностью власти. И Луман каснулся этого вопроса, но его более волновал риск происходящий от упадка власти, что служит причиной дезориентации общества. Луман предлагает дефицит власти кое-как возместить путём властных

субститов, с помощью символической генерализации кодов власти. Хотя Бодрийар считает, что субституты второго и третьего ранга, он их по своей манере называет симулякрамы, только подчёркивают упадок вообще социального как такового и на этом фоне масса становится всё более опасным врагом для гармоничности общества.

Каждый вышеупомянутый служит отличной мерилкой для измерения нашей современной реальности. Их работы могут послужить твердой почвой продуктивного эмпирического исследования.

В данной работе я постаралась показать каким продуктивным может быть связь теории и эмпирии, ведь Бродель, Фуко, Бодрийар, Сорос – все они являются гениальными теоретиками и народу с этим удивили мир своими оригинальными эмпирическими исследованиями. Социология, как наука, владеет огромным потенциалом для общества. Я призванием социолог и считаю, что роль социологии в современности растёт всё более. Социология может стать катализатором полезных социальных сдвигов в обществе, поскольку правильное объяснение сути происходящего которому служит это наука, задаток того, что мы сможем предостеречь общество от ошибок, которые доведут его до состояния неуровновешенности.

В проблемах которых я коснулась в данной диссертации ясно проявляется как важна для здоровья общества свобода индивидом, утверждение критического мышления, свободная и равная конкуренция, что даёт возможность реализации для всего общества полезных индивидуальных способностей. Важна контроль межсистемных границ, чтоб они не перекрывали и не сужали друг друга. Ведь дисфункционирование любой общественной подсистемы может вызвать развал всего общества, колафс.

Общество не перестаёт развиваться, но иногда имеют место процессы, которые провоцируют регрес и идут поперёк эволюции. Целью социологии является как раз наблюдение над всеми подобными изменениями и глубокий анализ. Все вышеупомянутые вопросы я постаралась поставить и рассмотреть в данной работе, чему и служит анализ концепции следующих авторов: Броделя, Фуко, Бодрийара, Лумана, Парсонса, Бурдьё и Сороса.

Литература на грузинском языке:

1. Бердзенишвили Амиран, «Политическая социология», Тбилиси, изд.: «Меридиан», 2000
2. Дюркгейм Эмиль, «Метод социологии», Тбилиси, изд.: «Иоанн Петрици», 2002
3. «Онтология современной политической философии», Тбилиси, изд.: «Цис нами», 1997
4. Еркомаишвили Вахтанг, «Человек, свободы, идеология», Тбилиси, издательство Тбилисского государственного университета, 2000
5. Витгенштейн Людвиг, «Философские исследования», Тбилиси, изд.: «Логос», 2003
6. Тевзадзе Гурам, «История средневековой философии», Тбилиси, издательство Тбилисского государственного университета, 1996
7. Тевзадзе Гурам, «История философии двадцатого века», Тбилиси, издательство Тбилисского государственного университета, 2002
8. Качкачишвили Иаго, «Теории социального действия», Тбилиси, изд.: «Наука», 2001
9. Кодуа Едуард, «Социология», две части, Тбилиси, издательство Тбилисского государственного университета, 1998
10. Кодуа Едуард, «История социологии», две части, Тбилиси, издательство Тбилисского государственного университета, 1996
11. Кодуа Едуард, «Социология культуры», Тбилиси, изд.: «Наука», 2001
12. Доменик Кола, «Политическая социология», Тбилиси, изд.: «Смарт», 1999
13. Монтескье Ш.Л., «О духе законов», Тбилиси, изд.: «CIPDD», 1994
14. Поппер Карл, «Избранные исследования», Тбилиси, изд.: «Дёген», 2002
15. Сурманидзе Лали, «Индивидуалистские и коллективистские общества», Тбилиси, изд.: «Наука», 2001
16. «Средневековые право», вторая часть, Тбилиси, издательство грузинской академии наук, 1962
17. Фукуяма Френсис, «конец истории и последний человек », Тбилиси, «CIPDD», 1999
18. Гавель Влатцлав, «Сила Слабых», Тбилиси, изд.: «Лицеум», 1995

Литература на русском языке:

17. Бергер Л. Питер./ Бергер Бриджит, «Социология», М. «Академический проект», 2004.
18. Бергер Л. Питер, «Приглашение в социологию», М. «Гуманистическая перспектива», 1998.
19. Блок Марк, «Апология истории», М. «Наука», 1973.
20. Бодрийяр Жан, «В тени молчаливого большинства»,
Издательство украинского университета, 2000.
21. Бодрийяр Жан, «Система вещей», М. «Рудомино», 2001.
25. Бодрийяр Жан, «Забить Фуко», М, «Владимир Даль», 2002.
26. Бодрийяр Жан, «Соблазн», М. «ad marginem», 2000.
27. Бродель Фернан, «Возможно и невозможное», М. «Прогресс», 1986.
28. Бродель Фернан, «Игры обмена», М. «Прогресс», 1988.
29. Бродель Фернан, «Время мира», М. «Прогресс».1992.
30. Бурдьё Пьер, «Социология политики», М. 1993.“SOCIO-LOGOS”, 1993.
31. Гелбрейт Джон, «Жизнь в наше время», М. «Прогресс», 1986.
32. Гиденс Ентони , «Социология» , М. «Эдиториал УТСС», 1999.
33. Гиденс Ентони, «Устроение общество»,
М. «Академический проект», 2003.
34. Горелов А.А. «Основы социологии и политологии»
М. «Флинта», 2003.
35. Дюверже Морис, «Политические партии»,
М. «Академический проект», 2000.
36. Клод Леви-Строс, «Структурная антропология», М.
«Эксмо-пресс», 2001.
37. Колинз Рэндалл, «Социологическая интуиция», М.
«Академический проект», 2004.
38. Луман Никлас, «Власть», М. «Праксис», 2001.
39. Мамардашвили Мераб, «Сознание и цивилизация»

- М. «Логос», 2004.
40. Маркузе Герберт, «Одномерный человек», М. «REFL-BOOK», 1994.
 41. Ницше Фридрих, «Так говорил Заратустра», Минск, «Харвест», 2001.
 42. Ницше Фридрих, «Воля к власти», М. «АСТ», 2001.
 43. Ортега-Гассет Хосе, «Востание масс», М. «АСТ», 2001.
 44. Парсонс Талькот, «Система современных обществ», М. «Аспект пресс», 1998.
 45. «Политология», М. «Гардарики». 2000.
 46. Поппер Карл, «Открытое общество и его враги» -I-II Т. М. «Феникс», 1992.
 47. «Проблемы государства и демократии», М. «Наука», 1982.
 48. «Психология власти», I-II Т. Самара, «Бахрах», 1999.
 49. «Современная западная социология», Ростов-на-Дону. «Феникс», 2002.
 50. Сорос Джордж, «Советская система к открытому обществу»,
М. «Политическая литература», 1991.
 51. Сорос Джордж, «Открытое общество реформируя глобальный
капитализм», М. «Пушкинская библиотека», 2001.
 51. Сапранов П.А. «Власть как метафизическая и историческая
реальность», Санкт-Петербург, Из.: «Церковь и культура» , 2001.
 52. Тоинби ДЖ. А.. «Цивилизация перед судом истории», М. "Прогресс», 1996.
 53. Токвиль Алексис, «Демократия в Америке», М. «Весь мир», 2000.
 54. Гоффлер Элвин, «Метаморфозы власти», М. «АСТ», 2001.
 55. «Утопия и утопическое мышление», М. "Прогресс», 1991.
 56. Уэбстер Френк, «Теории информационного общества» , М.
«Аспект-пресс», 2004.
 57. Фуко Мишель, «надзирать и наказывать», М. «ad marginem», 1999.
 58. Фуко Мишель, «История безумия в классическую эпоху», СПб. Университетская книга,
1997.
 59. Фуко Мишель, «Интеллектуалы и власть», М. «АСТ», 2002.
 60. Фукуяма Френсис, «Великий разрыв», М. «АСТ», 2003.
 61. Ферреоль Жиль, «Социология», М. «Питер», 2003.

62. Фром Эрих, «Бегство от свободы», М. «Попурри», 1998.
63. Фром Эрих, «Человек для себя», М. «Попурри», 1998
64. Хантингтон Самуель, «Столкновение цивилизации», М. «АСТ», 2003.
65. Халипов В.Ф. «Кратология – наука о власти», М. «Экономика», 2002.
66. Чилькот Рональд, «Теории сравнительной политологии», М. «Вес мир», 2001.
67. Щоренгауер Артур, «Мир как воля и предствование», М.«Попурри», 1998.
68. Ясперс Карл, «Смысл и назначение истории», М. «Республика», 1994.

Литература на немецком языке:

69. Abromeit Heidrun, “Staat und Wirtschaft”, Frankfurt, “Campus verlag”, 1981.
70. Beck Ulrich , „ Die Enfindung des Polotische zu einer Theorie reflexiver Modernisierung“, Suhrkamp. F.a.m.,1994.
71. Druwe Ulrich, „Politische Theorie“, Neuried: Ars una, 1995.
72. Luhmann Niklas, “Die Gesellschaft der Gesellschaft”, Suhrkamp, F.a.m., 1997.
73. Luhmann Niklas, “Soziologische aufklerung; Beitrage zur Funktionalen Differentierung der Gesselschaft“, Westdeutschen Verlag, 1982.
74. Luhmann Niklas, “Die Wirtschaft der Gesellschaft”, Suhrkamp. F.a.m., 1990.
75. Luhmann Niklas, „ Das Recht der Gesselschaft“, Suhrkafmp taschenbuch, F.a.m. Wissenschaft, 1995.
76. Munch Richard, „Die Sruktur der Moderne“, Suhrkamp, F.a.m., 1991.